

Е. А. Крестьянников

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ПРАВОСУДИЮ: ИЗ ИСТОРИИ ВВЕДЕНИЯ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

11. ок. Салтыков Михаил Михайлович (1608), Салтыков Кривой Михаил Михайлович (?–1608, Верхотурье), окольный (1588), тобольский воевода (1608). Из старого московского боярского рода. Упомянут в боярском списке 1577 как стольник. Участник Ливонской войны, был воеводой в Михайлове, в 1588 — в Белеве. В к. 1580-х пожалован царем Федором Иоанновичем в московские дворяне, однако вскоре из-за местного спора с князем Хворостининым попал в опалу. В 1590-е входил в ближний круг царя Бориса Годунова, был воеводой по городам — в Рязани, Калуге, Гдове, Новгороде. В сент. 1598 пожалован в окольные. В 1599–1604 — судья Новгородской чети. В 1604 был послан воеводой в Путивль, попал в плен к Лжедмитрию I. После прихода к власти Василия Шуйского был направлен в Ярославль для наблюдения за ссыль

Осенью 1861 г. Александр II поручил комиссии из лучших российских правоведов готовить «коренную» судебную реформу, которая должна была заменить сословный суд крепостнической эпохи — «море великое, в котором гадов несть числа» — цивилизованными судебными учреждениями, общими для лиц всех сословий и с единым порядком судопроизводства. К осени 1862 г. были выработаны и одобрены императором «Основные положения преобразования судебной части в России», содержавшие главные принципы современного права: бессословность суда и его независимость от административной власти, несменяемость судей и судебных следователей, равенство всех сословий перед законом, гласность и состязательность судопроизводства, участие в нем адвокатов и присяжных заседателей. Предполагалось ввести новые судебные учреждения — коронный суд с участием присяжных заседателей, выбиравшихся из населения на основе умеренного имущественного ценза, и выборный мировой суд для разбора мелких правонарушений и гражданских тяжб с упрощенным производством. Этот документ был опубликован и разослан для обсуждения в университеты, судебные учреждения, крупным зарубежным юристам.

Представители сибирской общественности, судебные и административные чиновники приняли в этом обсуждении живое участие, высказывались в пользу распространения на Сибирь большинства положений проекта и устройства здесь «суда общественной совести» (так было принято называть суд присяжных). Этот энтузиазм, впрочем, не нашел заметного сочувствия в правящих кругах. Правительственные чиновники не сомневались, что установление нового суда на сибирской окраине будет сопряжено с рядом существенных трудностей. Регион, в частности, не располагал тогда достаточным количеством лиц, соответствующих всем требованиям, которые предъявлялись к присяжным заседателям.

Несмотря на это некоторые сибиряки в пылу реформаторской эйфории были твердо убеждены, что и на их родной край прольются благоденствия «Великих реформ» Александра II в виде дарования суда присяжных. Казалось, незначительные корректировки в правилах устройства этого института позволят приспособить его к особым сибирским условиям. Отдельные судебные деятели предлагали отменить имущественный ценз для при-

сяжных заседателей. Они отказывались понимать, какова связь между имущественным состоянием и справедливым судом. Председатель и товарищ председателя одного из сибирских судов писали: «Вообще было бы полезно не стеснять выбор присяжных заседателей условием владения каким-либо имуществом, ибо имущественные отношения, каковы бы они ни были, не могут иметь влияния на правдивость воззрения честного гражданина»¹. Чиновники Главного управления Восточной Сибири признавали даже возможным допустить к исполнению обязанностей присяжных лиц, ранее судимых, а именно «тех из сосланных, кои, приобретя вновь права состояния, при хорошем поведении в местах их жительства или водворения приобрели, вместе с тем, полное доверие общества»². Вообще, сибиряки единодушно выступали за проведение судебной реформы и считали, что она более необходима Сибири, чем любому другому региону империи³.

**Здание Томского
окружного суда
Нач. XX в.**

Однако аргументы сторонников постепенного, «в меру возможности», распространения на сибирскую окраину новых судебных положений Александр II счел более весомыми. Судебные уставы, утвержденные им 20 ноября 1864 г., край фактически не затронули. Хотя сибирское правосудие страдало всеми пороками, которые были свойственны дореформенному российскому суду, правительство первоначально ограничилось здесь установлением в 1865 г. правил, которые должны были лишь облегчить процесс судопроизводства в почти полностью сохранных судах «прежнего порядка».

Однако аргументы сторонников постепенного, «в меру возможности», распространения на сибирскую окраину новых судебных положений Александр II счел более весомыми. Судебные уставы, утвержденные им 20 ноября 1864 г., край фактически не затронули. Хотя сибирское правосудие страдало всеми пороками, которые были свойственны дореформенному российскому суду, правительство первоначально ограничилось здесь установлением в 1865 г. правил, которые должны были лишь облегчить процесс судопроизводства в почти полностью сохранных судах «прежнего порядка».

В 1867 г. при Министерстве юстиции под председательством министерского чиновника В. П. Буткова была создана специальная комиссия для разработки проекта судебной реформы в Сибири. Скоро комиссия пришла к заключению, что реализация Судебных уставов 1864 г. в сибирских губерниях в полном объеме по-прежнему невозможна. Значительную сложность, в частности, представляло реформирование суда для ссыльных и инородцев. Ввиду отсутствия в Сибири земств, на которые в Европейской России была возложена функция выборов мировых судей, низкой, по мнению большинства, гражданской зрелости сибиряков, а также из опасения, что «от недостатка дворян, землевладельцев» среди местных выборщиков будет абсолютно преобладать податное население, предлагалось в сибирских губерниях назначать мировых судей «от правительства».

В комиссии обозначилось две группировки — противников и сторонников введения в крае института присяжных заседателей. Первые указывали, что при «разноплеменности сибирского населения суд присяжных не может быть судом общественной совести», а исполнение обязанностей присяжных в условиях боль-

¹ См.: Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 110; Отчет о деятельности поверенных при Томском окружном суде с 1 июля 1904 г. по 1 июля 1905 г. Томск, 1906. С. 13–14; Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 93.

² Цит. по: Отчет о деятельности консультации... С. 13.

³ См.: Замечания о применении... С. 34, 50, 88.

С. И. Зарудный

ших расстояний станет «чрезмерно тяжелой повинностью» для сибиряков. Вторые (они составляли большинство, и их предложения легли в основу проекта комиссии) не считали расстояния настолько великими, чтобы их преодоление повлекло бы какие-то сложности. Комиссия признала Сибирь вполне подготовленной к суду присяжных и приняла решение о возможности его распространения на территории края между 50 и 60° северной широты, то есть в полосе с большей плотностью населения. При этом предполагалось допустить существенные отступления от общих судебных правил: включать в число присяжных офицеров, чиновников и «нижних чинов воинских команд и управлений», отказаться от имущественных ограничений, уменьшить численный состав коллегии присяжных до шести представителей общности⁴.

Жизнь большинства членов комиссии так или иначе была связана с Сибирью. Их желание любыми способами одарить край «судом общественной совести» не учитывало сложившейся обстановки. Правительство, видя угрозу политическому режиму в распространении демократических настроений в среде сибирского населения, никогда бы не пошло на демократизацию состава суда присяжных путем отмены цензовых ограничений. Другие предположения комиссии также не могли найти поддержки в правительственных сферах, так как они вели к перекройке основ только что созданного судебного законодательства. Вместе с тем с первых шагов суда присяжных в России (вводился в центральных регионах с 1866 г.) обнаружилось, что он оказался «инородным телом» в государственном организме империи. Присяжные заседатели, вопреки желанию властей, выносили вызывающе независимые вердикты. В этих условиях не могло быть и речи о введении суда присяжных в Сибири. Комиссия В. П. Буткова в 1870 г. была закрыта, а ее проекту, как писала позже одна из сибирских газет, отводилось «глухое место в архивах»⁵. Судебная реформа на основе Судебных уставов откладывалась на неопределенное время.

70-е г. – первая половина 90-х г. XIX в. — сложный период в развитии суда присяжных. Его деятельность стала предметом критики самых влиятельных государственных чиновников. Яростным противником института присяжных заседателей стал главный идеолог реакции К. П. Победоносцев. В 1885 г. в своей записке императору Александру III он отмечал: «Учреждение присяжных в уголовном суде оказалось для России совершенно ложным, совсем несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов, и, как ложное в существе своем и в условиях, послужило и служит к губительной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия... От этого учреждения необходимо нам отделаться, дабы восстановить значение суда в России. Трудно достигнуть этого разом, но можно достигнуть постепенно, изъемя один за другим разряды уголовных дел из ведения присяжных...»⁶. Подобные размышления ре-

⁴ См.: Арефьев Н. За пределами Европейской России // Северный вестник. 1896. № 1. С. 50; Собрания особого отдела комиссии, высочайше утвержденной для работы по преобразованию судебной части по предложениям главных местных начальств и должностных, и частных лиц сибирского края о применении высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г. основных положений преобразования судебной части к Сибири. [СПБ., 1867]. С. 34–37, 52–53.

⁵ Тобольские губернские ведомости. 1897. 26 июля.

⁶ К. П. Победоносцев о реформе суда // Дмитриев С. С. Хрестоматия по истории СССР. Т. 3. М., 1948. С. 420–421.

акционных деятелей зачастую расценивались и расцениваются, как устоявшееся в правительственных кругах стремление уничтожить «суд общественной совести», что далеко от истины. Стрелы, пущенные в его адрес, долетали лишь до того рубежа, за которым открывались достоинства института присяжных заседателей не только для общества, но и для государственной власти. Самодержавию он был нужен как весьма эффективный процессуальный механизм, ускоряющий судопроизводство и ровным счетом ничего не стоивший казне. Правительство ограничивалось изъятием из компетенции суда присяжных тех категорий дел, в решении которых было заинтересовано, и проведением мер, призванных сделать более лояльным состав присяжных. К концу XIX в. институт присяжных заседателей вполне удовлетворял самодержавие и его распространение продолжилось.

Проблемы развития российского суда присяжных никак не касались Сибири. На протяжении почти всей последней трети XIX в. правительство не обращало внимания на нужды юстиции края. У него в тот период, заявлял министр юстиции Н. В. Муравьев, были более важные заботы⁷. Попытки представителей сибирской общественности через прессу, посредством ходатайств городских дум возбудить интерес столичных чиновников к вопросу о необходимости введения Судебных уставов 1864 г. заканчивались ничем⁸.

Неукоснительно следуя избранному принципу «строгой постепенности и осторожности», Министерство юстиции вернулось к вопросу о сибирском суде только в 1882 г., когда в правительственных кругах господствовали антиреформаторские настроения. Выработанные в этих условиях законопредложения сводились в основном к изъятию следствия из непосредственного ведения полиции, упрощению порядка рассмотрения дел в судах, реорганизации прокурорского надзора, увеличению численности судебных чиновников и повышению их жалования. Эти предложения после обсуждения в Государственном совете вошли в закон 25 февраля 1885 года.

Закон этот, как вскоре были вынуждены признать в правительстве, не смог сколько-нибудь существенно улучшить работу сибирского суда. Местная администрация продолжала жаловаться на плохую организацию судебной системы, нехватку и низкий профессиональный уровень судей и судебных следователей, неудовлетворительную оплату их труда. Министерство реагировало на эти lamentации принятием паллиативных мер, призванных лишь на скорую руку залатать прорехи в архаичном сибирском судеустройстве и не затрагивавших существа царивших в Сибири судебных порядков.

В конце XIX в. такое положение дел в судебной системе края стало уже совершенно нетерпимым. Старые судебные установления вошли в противоречие с новыми явлениями в хозяйственной жизни края, связанными со строительством Сибирской железной дороги и возрастанием потока переселенцев. Существу-

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

ными Мнишеками. В 1608 назначен тобольским воеводой в чине окольничего, но вскоре умер в Верхотурье. Ист.: Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. Лит.: Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 293–294; Скрынников Р. Г. Россия в нач. XVII в. «Смута». М., 1988. С. 147–149; Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1990. Кн. IV. Т. 7. С. 282.

В. В. Коновалов

⁷ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 1.

⁸ См.: Альтшуллер М. И. Земство в Сибири. Томск, 1916. С. 42; Восточное обозрение. 1882. 1 апр.; 15 июля; 30 сент.; 1885. 13 июня; Корнилов А. Вопрос о введении земства в Сибири до высочайшего рескрипта 3 апреля 1905 года // Сборник о земстве в Сибири: Материалы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях. СПб., 1912. С. 7–9; Сибирская газета. 1881. 5 апр.; Сибирь. 1876. 21 марта; 1877. 17 июля; Ядринцев Н. М. Трехсотлетие Сибири 26 октября 1881 года // Вестник Европы. 1881. № 12. С. 846 и др.

ющая организация гражданского судопроизводства отрицательно воздействовала на предпринимательскую активность, на привлечение иностранных инвестиций.

Самодержавие в этих условиях было вынуждено вернуться к реформе сибирского суда и приступить в 1897 г. к его преобразованию на основе Судебных уставов Александра II.

2 июля 1897 г. в крае открылись новые судебные учреждения. Этот день стал праздником в местной жизни. В прессе его называли «одним из самых радостных и светлых в истории Сибири»⁹. Сибирский судебный округ открывался с особой торжественностью: организовывались праздничные обеды, народные гуляния, улицы городов украшались флагами¹⁰. Население края, по словам тобольского губернатора Л. М. Князева, «восторженно приветствовало» судебную реформу¹¹.

Однако сибиряков ждало разочарование. Судебные уставы при их применении к Сибири были искажены. По «Временным правилам» от 13 мая 1896 г. из нового судопроизводства изымались инородцы, мировая юстиция в крае оказывалась представленной не выборными, а назначаемыми судьями и без уездных мировых съездов. Но самой неприятной новостью для жителей огромного края стал отказ правительства от введения в Сибири суда присяжных.

Представители сибирской общественности поначалу не верили в саму возможность такого шага правительства. Когда до Сибири дошли первые слухи о намерении правительственных чиновников отказаться от идеи установления этого института в крае, корреспондент газеты «Восточное обозрение» выразил надежду, что в сообщении «вкралась неточность»¹². До и после реализации судебной реформы корреспонденты центральных и сибирских периодических изданий доказывали необходимость введения в Сибири суда присяжных, для чего, считали они, препятствий не было¹³.

Иного мнения придерживались чиновники, причастные к разработке судебного преобразования в сибирском регионе. Енисейский губернский прокурор А. Лубенцов писал в своем проекте, что «малая населенность края», многочисленность «неблагонадежного ссыльного элемента», а также «инородцев, не знающих русского языка и стоящих на низкой ступени умственного развития, не дают возможности введения в Сибири института присяжных заседателей»¹⁴. В «Объяснительной записке к проекту Временных правил об устройстве судебной части в Сибири» как об одном из серьезных препятствий учреждению здесь суда присяжных говорилось об особенных «воззрениях» сибиряков «относительно значения и важности некоторых преступлений»¹⁵. На «затруднительность» исполнения обязанностей присяжных для населения при больших расстояниях указывал Н. В. Муравьев¹⁶. По мнению чиновников Министерства земледелия и государственных имуществ, учредить в Сибири институт присяжных заседателей не позволяло отсутствие там «более или менее развитого класса благонадежных людей»¹⁷.

⁹ Томский листок. 1897. 1 июля.

¹⁰ См.: Восточное обозрение. 1897. 24 авг.; Сибирский вестник. 1898. 3 янв.; Тобольские губернские ведомости. 1897. 12 июля.

¹¹ Коллекция печатных записок РГИА. № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1897 г. С. 13.

¹² Восточное обозрение. 1893. 7 февр.

¹³ См. например: Анненский Н. Ф. Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири // Русское богатство. 1896. № 6. С. 168–169; Арефьев Н. Указ. соч. С. 56–57; Вестник Европы. 1896. № 6. С. 777–779; Восточное обозрение. 1893. 7 февр.; 1897. 24 авг.; Русские ведомости. 1896. 29 мая; Сибирская газета. 1899. 1 янв.; Сибирский В. Судебная реформа в Сибири и своевременность введения суда присяжных // Сибирский вестник. 1897. 17 дек.; Сибирский вестник. 1898. 3 июля и др.

¹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 245. Л. 14 об.

¹⁵ Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО). Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 129 об.

¹⁶ Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1896 год. Б. м., б. г. С. 6.

¹⁷ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 52 об.

Подобную аргументацию чиновников следует признать безосновательной. Законодательство содержало достаточный арсенал средств, для того чтобы не допустить включения в состав присяжных лиц с ненормальными «воззрениями», «неблагонадежных», не знающих русского языка. Никаких подсчетов числа сибирских жителей, соответствующих требованиям, предъявляемым законом к присяжным заседателям, накануне реформы не производилось. Когда в 1900 г. такое исследование было проведено в Западной Сибири, выяснилось, что там количество возможных присяжных было достаточным, а во многих уездах значительно превышало требуемую норму¹⁸. Не имел под собой оснований и тезис о «высокой степени обременительности» обязанностей присяжных для сибиряков, связанной «с трудностью преодоления больших расстояний». Заседания окружных судов в сибирском регионе можно было проводить в уездных административных центрах, а не как в остальной империи, только в городах (как правило, губернские центры), где размещались окружные суды. Множество уездов Сибири по площади не превосходили губерний Европейской России. Поэтому вряд ли исполнение обязанностей присяжных в крае было бы труднее для населения, чем в других российских регионах.

Между тем справедливость вердиктов присяжных заседателей определялась знанием местных условий, в которых произошло преступление и проживал подсудимый. Указывая на это обстоятельство, тогдашние критики судебной реформы говорили, что суд присяжных нужнее всего как раз в Сибири, поскольку большинство из коронных судей здесь, по крайней мере в первое время, были приезжими из Европейской России¹⁹. Порядок обжалования приговоров окружных судов без участия присяжных заседателей предполагал возможность подачи по каждому делу апелляционной жалобы в судебную палату, тогда как при-

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

11а. кн., Катыврев-Ростовский Иван Михайлович (1608–12), Катыврев-Ростовский Иван Михайлович (?–1640, Москва), князь, рус. полит. деятель и писатель XVII в., тобольский воевода (1608–13). Потомок ростовских князей рода Рюриковичей. Начал службу при Борисе Годунове, имел чин стольника. В 1608, во вр. похода против Лжедмитрия II, намеревался перейти на сторону самозванца, за что был сослан на воеводство в Тобольск. Возвращен в Москву в 1613, участвовал в избрании царем своего шурина Михаила Федоровича Романова. Служил при дворе стольником. Одновременно исполнял военную службу: был первым воеводой первого полка в Туле (1614), оборонял Москву от польских

¹⁸ См.: Розин Н.Н. О суде присяжных. Томск, 1901. С. 3; ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 37. Д. 872. Л. 144–145.

¹⁹ См., например: Анненский Н. Ф. Указ. соч. С. 168; Арефьев Н. Указ. соч. С. 56–57; Вестник Европы. 1896. № 6. С. 779; Русские ведомости. 1896. 29 мая.

**В зале окружного
суда. Нач. XX в.**

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

войск (1618), защищал Тулу от крымских татар (1619). С 1622 дворянин московский. В 1630–32 нач. Владимирского судебного приказа, затем первый воевода в Москве, Туле, Новгороде (1632–36) и др. Отредактировал написанную в 1622–26 князем С. И. Шаховским «Повесть книги сея от прежних лет: о начале царствующего града Москвы...» (изд. в 1891), в которой рассказывает о событиях от царствования Ивана Грозного до избрания Михаила Федоровича. Внес в нее ряд дополнений и свои стихи. Лит.: Платонов С. Ф. Древнерус. сказания и повести о Смутном вр. XVII в. как ист. источник. 2-е изд.

говор суда с участием присяжных выносился окончательно и мог быть обжалован только в кассационном порядке. Потому отсутствие суда присяжных в условиях больших сибирских расстояний могло привести к волоките.

Современники судебной реформы прекрасно понимали нелепость аргументов министерских чиновников. Сравнивая сибирские условия с условиями некоторых других регионов империи, где действовал суд присяжных (Вологодская, Вятская, Пермская губернии), они приходили к выводу о его применимости в крае²⁰. Все осознавали, что учредить этот институт на большей части территории Сибири невозможно. Однако и это не могло служить препятствием. Ведь существовал опыт функционирования суда присяжных лишь в некоторых уездах Вологодской губернии при его отсутствии в других. В Сибири давно сложилась полоса компактного расселения населения, где введению этого учреждения не было помех.

Явная надуманность доводов чиновников, разрабатывавших судебное преобразование, дала сибирской общественности пищу для размышлений по вопросу об истинных причинах отсутствия института присяжных. Газета «Восточное обозрение» писала: «Очевидно, что суд присяжных не введен в Сибири не потому, что нашу окраину считают еще неподготовленной к нему, а по другим соображениям»²¹. Корреспондент «Сибири» определенно указывал на отрицательное отношение правительства к институту присяжных заседателей вообще как на причину его нераспространения на сибирский регион²². По мнению профессора Томского университета Н. Н. Розина, отсутствие суда присяжных стало следствием «сомнений правительства, вполне основательных, ввиду малого знакомства с бытом нового края», а не «непоколебимого убеждения в незрелости и неподготовленности Сибири к общественной судебной деятельности»²³. Иную оценку выражал томский присяжный поверенный, депутат III Государственной Думы Р. Л. Вейсман. Он писал: «Так называемая «неподготовленность населения» — это жупел, жалкий и смешной, прикрывающий собой принцип divide et impera! Среди завистей и ненавистей нужна еще одна зависть младшей сестры — колонии к метрополии. Пусть Сибирь помечтает пока о суде присяжных и у нее не будет времени мечтать о чем-нибудь другом, о том, что составляет вечный кошмар метрополии по отношению к колониям...»²⁴. Довод о неподготовленности края к учреждению в нем института присяжных заседателей Р. Л. Вейсман считал «глубоким предрассудком»²⁵.

Итак, почему в 1897 г. в Сибири не был введен суд присяжных? Объяснения чиновников и аргументы представителей общественности на этот счет не учитывали одного важного обстоятельства. Дело в том, что сибирская судебная реформа готовилась и проводилась в сроки работы так называемой «муравьевской» комиссии (1894–1899 гг.), призванной пересмотреть существовавшее в России судебное законодательство и, кроме прочего, ре-

²⁰ См., например: Арефьев Н. Указ. соч. С. 56–57; Сибирский В. Указ. соч.

²¹ Восточное обозрение. 1897. 24 авг.

²² См.: О. Б. А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1897. № 7. С. 183.

²³ Розин Н. Н. Указ. соч. С. 3.

²⁴ Вейсман Р. Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. 1908. № 7. С. 43–44.

²⁵ Вейсман Р. Правовые запросы Сибири. СПб., 1909. С. 38.

шить проблему будущего устройства института присяжных заседателей. В связи с этим до окончания работы указанной комиссии в 1899 г. вопрос об установлении суда присяжных в Сибири не мог быть решен положительно.

Между тем отсутствие института присяжных заседателей расценивалось сибирской общественностью как явление исключительно временное. Эта уверенность была вполне обоснованной. Высшие чиновники империи не отказывались от решения вопроса об учреждении суда присяжных в отдельных районах Сибири. О возможности проведения такого мероприятия в западной части края «в недалеком будущем» было заявлено 6 апреля 1896 г. в Государственном совете при обсуждении проекта сибирской судебной реформы²⁶. 15 апреля 1899 г. из Министерства юстиции сообщили председателю Омской судебной палаты о решении сохранить суд присяжных в империи. Его спрашивали, своевременно ли введение этого института в Тобольской и Томской губерниях²⁷. Председатель палаты предложил создать при губернаторах специальные комиссии, перед которыми поставил тот же вопрос.

По результатам проведенного в 1900 г. исследования стало известно, что в Тобольской губернии количество лиц, имеющих право быть присяжными заседателями, было достаточным в 8 из 10 уездов (не хватало присяжных в Березовском и Сургутском уездах) и намного превышало требуемую норму во всех 7 уездах Томской губернии. Тобольская комиссия сделала вывод о необходимости в скорейшие сроки введения в губернии суда присяжных. Губернские чиновники указывали: «Сама практика нового суда, введенного в 1897 г., дала уже много доказательств в пользу необходимости привлечения общественного элемента к делу отправления правосудия»²⁸. О «полной и безусловной» возможности введения института присяжных заседателей заявили члены комиссии Томской губернии²⁹.

Собранные материалы были изучены Министерством юстиции. По мнению Н. В. Муравьева, установление суда присяжных в Тобольской и Томской губерниях было возможным на общих основаниях. Причем министр, выступая за унификацию судебных порядков на пространстве всей империи, настаивал на необходимости учреждения этого института и в Сургутском, и в Березовском уездах³⁰. В конце 1901 г. Н. В. Муравьев направил в Государственный совет проект введения суда присяжных в Западной Сибири. Но его вернули оттуда в Министерство юстиции «без последствий»³¹.

Введение суда присяжных вновь не состоялось. Сибирякам приходилось довольствоваться, как писал корреспондент «Сибирского наблюдателя», «отрадными для Сибири слухами» о том, что он когда-то будет установлен³². Вопрос о необходимости его учреждения волновал сибирское население. Поднимали эту проблему на своих съездах крестьяне³³. Соборания местных судебных деятелей, прежде всего представителей адвокатского сословия, про-

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

СПб., 1913; Черепнин Л. В. Рус. историография до XIX в. Курс лекций. М., 1957. С. 110–11, 114–16; Гудзий Н. К. К вопросу о составе «Летописной книги», приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому // Труды отд. древнерус. лит.-ры. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 290–97; Кукушкина М. В. Семен Шаховский — автор «Повести о Смуте» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975.

В. В. Коновалов

²⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1053. Л. 31.

²⁷ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 25. Оп. 2. Д. 320. Л. 18–21.

²⁸ ТФГАТО. Ф. 158. Оп. 2. Д. 155. Л. 140–148.

²⁹ См.: Розин Н. Н. Указ. соч. С. 3.

³⁰ Библиотека РГИА. По пересмотру законоположений по судебной части // Министерство юстиции. Первый департамент. Часть юрисконсультская. Вып. 1. 31 декабря 1901 года. № 45293. С. 66, 95–100.

³¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1053. Л. 24 об.

³² Сибирский наблюдатель. 1902. № 3. С. 159.

³³ См.: Н. С. Тобольские крестьяне о реформе суда // Сибирские вопросы. 1908. № 8. С. 36–37.

И. Г. Щегловитов

сили правительство не отказать краю в «суде общественной совести»³⁴. Требования о его введении содержались в наказах депутатам Государственной Думы от сибирских губерний³⁵.

Между тем в начале XX в. в России наметилось, по выражению профессора Томского университета С. П. Мокринского, «новое отношение» к суду присяжных со стороны правительственных сфер³⁶. Он, представляемый ранее как арена политической борьбы, как нечто чуждое самодержавию, оказался достаточно лояльным режиму. О политической стороне его деятельности стали быстро забывать. Министр юстиции И. Г. Щегловитов позже указывал, что «политического характера суд присяжных... к счастью, у нас не имел»³⁷. Симптоматично, что его распространение на российские регионы продолжалось и в напряженные революционные годы. В 1906 г. он был установлен в Ставропольской и Черноморской губерниях и в Кубанской области³⁸. Повсеместное введение этого института в империи стало одним из важных направлений работы III Государственной Думы по решению судебно-правовых вопросов³⁹.

В 1907 г. у И. Г. Щегловитова возникла мысль о том, что, возможно, Западная Сибирь готова к учреждению в ней института присяжных заседателей. Он писал императору: «В последнее время условия, не благоприятствовавшие распространению на упомянутые окраины суда с участием общественного элемента, в значительной мере изменились, причем представляется уже возможным надеяться, что в поименованных губерниях... окажется необходимое число лиц для составления списков присяжных заседателей»⁴⁰. Министр, опираясь на данные о преобладании русских среди сибиряков, быстром экономическом развитии, бурном росте населения, расширении сети учебных заведений, относительно высоком уровне благосостояния жителей региона, доказывал, что пришел момент для учреждения здесь суда присяжных⁴¹. Он предложил губернаторам начать подготовку к осуществлению этого мероприятия⁴².

В каждом уезде Западной Сибири создавались специальные комиссии для составления списков присяжных заседателей. Выяснилось, что в Тобольской и Томской губерниях количество лиц, годных в присяжные заседатели, за 7–8 лет значительно выросло. Члены комиссий объясняли это увеличение бурным экономическим, культурным развитием края, притоком населения, ростом уровня его грамотности, повышением оплаты труда на частных предприятиях и цен на недвижимое имущество. Кроме составления списков присяжных заседателей, уездные комиссии должны были дать свои заключения относительно вопросов о целесообразности и возможности учреждения в крае суда присяжных. Все комиссии очень положительно отзывались об этом институте и высказались за его введение в крае. Только Сургутская комиссия, признав за судом присяжных все его достоинства, заявила о невозможности из-за «местных условий» установить его в уезде. Даже члены комиссии Березовского уезда, где

³⁴ См., например: Отчет о деятельности консультации... С. 13–15.

³⁵ См.: Сибирские вопросы. 1907. № 4. С. 39.

³⁶ Мокринский С. П. Суд присяжных // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 1. Пг., 1914. С. 158.

³⁷ См.: Щегловитов И. Г. Новые попытки изменить постановку присяжного суда в Западной Европе // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 2. Пг., 1914. С. 195.

³⁸ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 26. № 27393.

³⁹ Работа третьей Государственной Думы по вопросам судебно-правовым. СПб., 1912. С. 11–12.

⁴⁰ Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1908 год. СПб., 1909. С. 6.

⁴¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1053. Л. 31 об. – 32 об.

⁴² См.: ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 37. Д. 899. л. 1.

ТОБОЛЬСКИЕ
ВОЕВОДЫ

12. кравч. кн. **Буй-носков-Ростовский Иван Петрович** (1613–1616), **Буй-носков-Ростовский Иван Петрович** (ок. 1581–не ранее 1636), князь, кравчий царя Михаила Федоровича, тобольский воевода (1613–1616). Сын боярина, князя Петра Ивановича. В 1605 был послан царем Борисом Годуновым в Ржев собирать дворян и детей боярских для похода против Лжедмитрия. В 1608 присутствовал на свадьбе царя Василия Шуйского с его сестрой княжной Марией Петровной. Получил чин кравчего, к-рый после свержения Шуйского у него отняли. В 1613 участвовал в Земск. соборе, на к-ром произошло избрание Михаила Романова царем, подписывался под актом избра-

не было никакой возможности учредить «суд общественной совести», подогреваемые желанием своими глазами увидеть деятельность этого передового института, высказались за его введение и в их уезде. Ознакомившись с результатами работы комиссий, члены тобольского губернского «Особого совещания по привлечению общественного элемента к участию в отправлении правосудия» (туда входили губернатор, председатель и прокурор окружного суда) на заседании 25 ноября 1908 г. пришли к заключению, что препятствий к установлению суда присяжных в губернии, за исключением двух северных уездов, нет. К выводу о «желательности и возможности» учреждения этого института пришли члены аналогичного совещания в Томской губернии⁴³.

Механизм законодательной работы над планом введения института присяжных заседателей в Западной Сибири был запущен И. Г. Щегловитовым. 30 января 1909 г. он направил проект этого мероприятия председателю Государственной Думы, который 10 февраля передал его в думскую судебную комиссию, возглавляемую присяжным поверенным Н. П. Шубинским. В марте–апреле проект обсуждался в Государственной Думе и Государственном совете⁴⁴, а 10 мая 1909 г. императором был утвержден закон об учреждении института присяжных заседателей в нескольких регионах России, в том числе в Тобольской и Томской губерниях⁴⁵. И. Г. Щегловитов назначил открытие суда присяжных в Западной Сибири на 1 ноября 1909 года⁴⁶.

Долгожданный для сибирской общественности акт введения в крае института присяжных заседателей стал для нее после долгих лет правительственных проволочек своего рода сюрпризом. Иркутская газета «Сибирь» через 3 дня после того, как соответствующий закон был утвержден, писала, что сибирский регион «остаётся совершенно лишенным суда присяжных»⁴⁷. Судя по тому, как протекала подготовка к установлению этого института в Тобольской губернии, не ожидали его настолько скорого введения и высшие сибирские чиновники. Так, «из-за недостатка времени» не было выполнено поручение министра юстиции, предписывающее составление новых списков присяжных заседателей. Тобольское губернское управление «ввиду краткости срока» приняло решение использовать списки, составленные в 1908 году⁴⁸.

В назначенный день суд присяжных в Западной Сибири был официально открыт. Председатели Томского и Тобольского окружных судов обменялись по этому случаю приветствиями, со всех концов империи в западносибирские окружные суды поступали поздравления. Введение института присяжных заседателей получило высокую оценку местной общественности. Известный курганский предприниматель П. Д. Смолин в письме в Тобольский окружной суд назвал его «великой реформой»⁴⁹. Томская газета «Сибирские отголоски» писала: «Введение суда присяжных в жизни нашей окраины имеет огромное историческое значение, т. к. только с этого времени правительство метропо-

⁴³ См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1053. Л. 26; ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 37. Д. 899. Л. 162, 184, 186, 255–260.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1053. Л. 1–2, 93.

⁴⁵ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 29. № 31862.

⁴⁶ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 37. Д. 902. Л. 1.

⁴⁷ Сибирь. 1909. 12 мая.

⁴⁸ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 37. Д. 902. Л. 21.

⁴⁹ Там же. Ф. 158. Оп. 2. Д. 264. Л. 1–32.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

ния. Новый царь пожаловал **Б.-Р.** чин кравчего и послал воеводой в Тобольск, где он пробыл до 1615–1616. Дальнейшая служба **Б.-Р.** прошла при царском дворе. Последнее упоминание о нем относится к 1636, когда он «вина наряжал» во вр. одного торжественного обеда. Лит.: Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век) Екатеринбург

лии признало нужным привлечь сибирское общество в лице его представителей к самостоятельному отпращиванию такой важной функции, как правосудие и обязанность творить суд»⁵⁰.

Установление этого института стало поводом для «изливания» сибиряками верноподданнических чувств. Тобольская городская дума на заседании 11 ноября 1909 г. постановила послать императору телеграмму следующего содержания: «Тобольская городская, проникнутая чувством благодарности за высочайше дарованную милость, выразившуюся в открытии суда присяжных в Тобольской губернии, и отеческое попечение вашего императорского величества о благе своего народа, повергает к стопам вашего императорского величества возлюбленного монарха, верноподданнические чувства незыблемой преданности»⁵¹.

Несомненно, значение учреждения в Западной Сибири суда присяжных велико. Эта мера была способна «оздоровить» уголовный процесс в общих судебных учреждениях. Она имела большое психологическое значение. Наконец-то сибирякам стали доверять. Появлялась надежда на то, что Сибирь, возможно, скоро во всех отношениях будет развиваться в рамках общих для России правил. Казалось, мечтания сибиряков об «уровнении» края с остальными частями России начинали становиться реальностью. Некоторые представители сибирской общественности получили основание называть введение суда присяжных осуществлением «пожеланий колонии»⁵².

«Суд общественной совести» начал работать в Западной Сибири в декабре 1909 г. и успел до наступления нового года осудить 52 подсудимых и оправдать 30⁵³. Большинство уголовных дел стало разбираться судом присяжных (около 3/4 от общего числа⁵⁴). С его введением судопроизводство в системе общих судов заметно ускорилось, стал подниматься его авторитет. Дело в том, что приговоры, вынесенные с участием присяжных, считались окончательными и могли быть пересмотрены только в кассационном порядке. Пересмотра дела по существу (в апелляционном порядке) не предусматривалось. Суд присяжных, не имея над собой инстанции, которая могла бы снова приступить к рассмотрению дела по существу, не нуждался ни в изложении свидетельских показаний, ни в фиксировании в приговоре тех мотивов и соображений, в силу каких он пришел к тому или иному выводу. Вследствие этого отпадала необходимость во многих бумажных формальностях, судам не было нужды несколько раз назначать заседания для разбора одного и того же дела. Раньше окружные суды невольно дискредитировались в глазах населения неизбежными случаями отмены их приговоров по существу; теперь, с учреждением суда присяжных, такого просто не могло произойти.

Волокита в окружных судах уменьшилась. Если в 1909 г. Томский суд, по официальным данным Министерства юстиции, занимал по числу неоконченных судебных следствий далеко не почетное второе место в империи, уступая лишь Воронежскому суду

⁵⁰ Сибирские отголоски. 1910. 10 янв.

⁵¹ ТФ ГАТО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 338. Л. 206 – 206 об.

⁵² Вейсман Р. Правовые запросы... С. 3.

⁵³ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 год. Вып. 25. СПб., 1911. С. 138.

⁵⁴ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 год. Вып. 26. СПб., 1912. С. 138; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 год. Вып. 27. СПб., 1912. С. 138; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1912 год. Вып. 28. СПб., 1913. С. 138; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1914 год. Вып. 30. СПб., 1916. С. 146.

(всего в стране тогда действовало 105 окружных судов)⁵⁵, то в первой половине второго десятилетия XX в. скорость оборота дел в этом суде уже соответствовала российским среднестатистическим показателям⁵⁶.

Деятельность суда присяжных вызвала широкий общественный резонанс, население проявляло к нему живой интерес. Каждая уважающая себя общественно-политическая газета освещала происходившее в суде с участием присяжных в постоянных рубриках с названиями «Судебная хроника», «В судебном мире», «В суде». Сибиряки толпами стекались на заседания суда, если рассматриваемые дела представлялись интересными; если дела казались скучными, разбирательство проходило при полном отсутствии публики.

Первые процессы с участием присяжных заседателей показали, что новый для Сибири суд стал действительно «судом общественной совести». Он учитывал этическую сторону преступления, тогда как для чиновничьего суда это не было характерно. Уже на первой выездной сессии Томского окружного суда с участием присяжных заседателей в г. Мариинске 16 декабря 1909 г. был оправдан подсудимый, который, застав свою жену на месте прелюбодеяния, в состоянии аффекта убил ее любовника. Публика восторженно приветствовала вердикт присяжных аплодисментами⁵⁷. Иногда присяжные выносили предельно мягкие приговоры. В Томской губернии в начале 1911 г. разбиралось дело об убийстве крестьянином своей жены. Суд присяжных, приняв во внимание низкий нравственный уровень убитой, отнесся к подсудимому со снисхождением, а председатель суда приговорил его лишь к четырем годам заключения⁵⁸.

Присяжные заседатели, по словам одного публициста, «блестяще выполнили выпавшую на их долю высокую задачу»⁵⁹. Местная общественность не оспаривала правильность их вердиктов. Кроме того, присяжные заседатели стали принимать активное участие в жизни судебной организации. Так, на заседании Барнаульского окружного суда 12 мая 1912 г. присяжным заседателем М. И. Чупиным в адрес министра юстиции было сделано заявление, в котором резкой критике подвергалась деятельность мировых судов в регионе и указывалось на необходимость увеличения их штата⁶⁰.

Однако деятельность суда присяжных в Западной Сибири столкнулась с некоторыми проблемами. Как и в Европейской части России, большинство присяжных заседателей были из крестьян, при этом не всегда хорошо обеспеченных. Выдающийся дореволюционный юрист А. Ф. Кони рассказывал о случаях, ког-

Присяжные

⁵⁵ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 год. С. 118–119.

⁵⁶ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 год. С. 118–119; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 год. С. 118–119; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1912 год. С. 118–119; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1914 год. С. 126–127.

⁵⁷ Сибирские отголоски. 1910. 10 янв.

⁵⁸ Сибирская жизнь. 1911. 11 марта.

⁵⁹ В. А. С. Суд присяжных и «боевая юстиция» // Сибирские отголоски. 1910. 31 октября.

⁶⁰ ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 218. Л. 46–47.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

бург, 1998. С. 170;
Газенвинкель К. Б.
Систематический
перечень воевод //
Приложение к ка-
лендарю Тобольс-
кой губ. на 1893.
Тобольск, 1892.
С. 8; Рус. биогра-
фический словарь. СПб.,
1908. Т. 2. С. 444;
Тобольский хроног-
раф. Екатеринбург,
1998. Вып. 3.
С. 478.

В. Ю. Софронов

да крестьяне-присяжные заседатели в России вынуждены были, «проев в городе свои последние крохи, наниматься колотить и пилить дрова или просить милостыню»⁶¹. Подобное случалось и с сибирскими присяжными заседателями. В сессии Томского окружного суда, проходившей с 7 по 16 января 1911 г., участвовали почти исключительно крестьяне. Присяжные, надеясь получить денежную компенсацию, взяли с собой денег только на дорогу до Томска. Но, так как закон не предусматривал никаких пособий участвующим в суде присяжным, они остались без денег и не могли после процесса выехать домой⁶². В мае 1910 г. в Ишиме остались без денег и не смогли найти себе пристанище местные крестьяне-присяжные заседатели. Над ними сжалился исправник: предоставил им помещение при полицейском управлении, а затем изыскал средства на отправку их по домам⁶³.

О последнем случае стало известно тобольскому губернатору Д. Ф. фон Гагману, который предложил, во избежание таких казусов, применить две меры: вносить в списки присяжных заседателей только вполне материально обеспеченных лиц и представить на обсуждение волостных сходов вопрос о выделении из их средств пособий «сообщинникам», выбранным присяжными заседателями⁶⁴. Впрочем, большинство волостных сходов Тобольской губернии не вняло губернаторскому призыву и отказало в отпуске средств на нужды заседателей из своей кассы. В первом участке крестьянского начальника Ялуторовского уезда лишь один Новозаимский сход принял решение выдавать присяжным на время сессий окружного суда по 60 коп. суточных и по 4 руб. «прогонных», другие волостные сходы посчитали, по словам начальника, что присяжные «вполне зажиточны и в денежном пособии на время сессии окружного суда не нуждаются». Этот аргумент использовали крестьяне и из других уездов⁶⁵. Комиссиям же, составившим списки присяжных, исключить из их числа категорию наиболее бедных крестьян было нетрудно. Таким образом, состав суда присяжных становился менее демократичным.

Другую проблему представляло низкое качество списков присяжных. Тобольский губернатор неоднократно указывал в циркулярах, что они составлялись с ошибками. Например, в них включались лица, состоящие под следствием, иностранные подданные, но не включались многие, удовлетворявшие всем требованиям⁶⁶. Причину «несовершенства» списков присяжных прокурор Омской судебной палаты В. В. Едличко усматривал в «новизне дела»⁶⁷. Правда, никогда в России списки не отличались высоким качеством. Конкретный пример этого приводился в воспоминаниях А. Ф. Кони. Юрист писал: «В Тверском суде в списках за 1874 год было найдено четырнадцать человек умерших, из которых один скончался в 1858 году, а другой в 1859»⁶⁸.

Как и следовало ожидать, у суда присяжных не сложилось хороших отношений с институтом прокурорского надзора. Известны факты, когда прокуратура стремились оказать давление на присяжных, используя запрещенные способы. К примеру, в

⁶¹ Кони А. Ф. О суде присяжных и о суде с сословными представителями // Кони А. Ф. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1967. С. 264.

⁶² Томская хроника // Сибирская жизнь. 1911. 11 марта.

⁶³ В. А. С. Указ. соч.

⁶⁴ ТФГАТО. Ф. 152. Оп. 37. Д. 902. Л. 166–168 об.

⁶⁵ Там же. Л. 187, 189, 195, 197–198, 200, 211–213 об., 218 об.

⁶⁶ Там же. Л. 182–183.

⁶⁷ Государственный архив Томской области. Ф. 21. Оп. 2. Д. 247. Л. 43.

⁶⁸ Кони А. Ф. Из заметок и воспоминаний судебного деятеля // Русская старина. 1914. № 1. С. 8.

октябре 1910 г. возмущение общественности вызвала попытка товарища прокурора Томска ввести суд присяжных в заблуждение. Он сказал присяжным: «Ввиду ясности факта виновности обвиняемых, их оправдать ни в коем случае нельзя, т. к. право помилования есть прерогатива только монарха». Присяжные заседатели обратились к председателю суда за разъяснениями своих прав, а получив их, вынесли оправдательный вердикт⁶⁹.

Деятельность института присяжных заседателей в дореволюционной Сибири имела свою особенность. Он выносил больше приговоров об осуждении, нежели в других регионах⁷⁰. Можно только предполагать, с чем связана повышенная репрессивность сибирского института присяжных заседателей. Возможно, она была вызвана некачественной защитой на судебных процессах. Защитниками часто выступали мелкие канцелярские служащие, сопровождавшие суд в его разъездах. Речи этих «казенных» адвокатов бывали на редкость короткими и малоубедительными: «Прошу снисхождения» или «прошу оправдать»⁷¹. При подобной судебной защите, естественно, карательная сила суда возрастала. Вместе с тем, современники часто указывали на особую жестокость преступлений в Сибири⁷². Возможно, повышенная репрессивность была своеобразным ответом суда присяжных на вызов криминального мира.

Несмотря на определенные проблемы, вставшие перед институтом присяжных заседателей, он зарекомендовал себя с наилучшей стороны. В Сибири, в отличие от остальной России, не нашлось противников «суда общественной совести». Не удастся обнаружить ни одного негативного отклика в его адрес. Сибиряки были убеждены, что более «высокого и лучшего суда, наиболее удовлетворяющего население, не существует»⁷³.

О. Н. Бортникова

НИКОЛАЙ ЛУКИЧ СКАЛОЗУБОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТОБОЛЬСКОЙ ТЮРЬМЫ

История Тобольского тюремного замка включает немало страниц, связанных с политической ссылкой, через которую в различные периоды прошли десятки людей, известных всей стране. В 1906 г. одним из таких узников стал Николай Лукич Скалозубов — губернский агроном, ученый, «консерватор» Тобольского музея, известный общественный деятель и правозащитник, будущий депутат III Государственной Думы.

⁶⁹ Томская хроника. В судебном мире // Сибирские отголоски. 1910. 26 октября.

⁷⁰ См.: Мокринский С. П. Указ. соч. С. 151.

⁷¹ И. Т. На поприще адвокатуры // Сибирские вопросы. 1912. № 11–12. С. 25–26.

⁷² См., например: Литовицин А. Сибирские нравы и преступления // Сибирские вопросы. 1909. № 43. С. 27–35.

⁷³ ТФГАТО. Ф. 152. Оп. 37. Д. 899. Л. 153.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

13. бояр. кн. **Куракин Иван Семенович** (1616–1620), **Куракин Иван Семенович** (?–1632), князь, боярин, тобольский воевода (1616–20). Происходил из княжеского рода потомков Гедиминовичей. В 1601 — стольник. В янв. 1606 назначен воеводой и наместником в Смоленск. Видный чл. боярской группировки, кр. возвел на престол Василия Шуйского (1606); был среди бояр, требовавших ограничения царской власти. В 1607–08 командовал отрядом, успешно действовавшим против войск Лжедмитрия II, весной 1608 разбил войска одного из военачальников «тушинского вора» польско-

